

Любительское творческое объединения «Литературный салон» г. Гурьевска поздравляет своих именинников - Наталью Викторовну Баранову, Екатерину Ивановну Грошеву, Людмилу Дмитриевну Садовскую, Каролину Керн и Владимира Шумакова и желает им здоровья, благополучия и новых творческих достижений!

Мы начинаем знакомить вас с членами нашего салона и их творчеством. Сегодняшний выпуск мы посвящаем одному из его старейшин - Борису Павловичу Кузнецову.

Борис Кузнецов родился 24 февраля 1936 года. По профессии – металлург, всю жизнь отработал в мартиновском цехе Гурьевского металлургического завода. Первые стихи он написал в школе, они печатались в газете «Гурьевский рабочий». После окончания школы поступил в Сибирский метал-

лургический институт (СМИ). Во время учебы в институте занимался в литературном объединении «Литературная группа» в городе Сталинске. Стихи Бориса Павловича неоднократно публиковались в газетах «Комсомолец Кузбасса», «Земляки», «Кузнецкий рабочий», «Советский воин», «Знаменка», «Наш город». Борис Павлович Кузнецов принимал активное участие в создании областных сборников стихов «День поэзии», «Молодые голоса», лирического сборника «500 песен о любви». Его стихи напечатаны во «Всекузбасской книге памяти», сборнике «Свидание с природой», сборнике стихов гурьевских и салаирских поэтов «Все мы чуточку поэты». Его творчество высоко оценено поэтическим сообществом: 2 место в областном конкурсе стихов к 60-летию Победы (его стихами открывается сборник стихов кузбасских поэтов «60 лет Победы»), 1 место в конкурсе стихов, посвященных Гурьевскому Арбату, 1 место в конкурсе стихов к 65-летию Победы «Далёкому мужеству верность храня». В 2014 году вышла в свет первая книга Бориса Павловича Кузнецова «Стихи и проза», на сегодняшний день автор издал уже четыре книги с тем же названием, в которых представлена как поэзия, так и проза разных лет.

Возвращение Музы

Когда под снежным грузом
Ломались ветки пихт,
Ко мне вернулась Муза
И попросилась в стих.
Голодная, худая
Сидела у окна,
И вся была такая,
Какая не нужна.
Обидой подогретый,
Я вспомнил, как тогда,
Она в начале лета
Исчезла в никуда.
И вот вернулась, чтобы
Не заплакать в ночи,
Не замерзнуть в сугробах,
А греться у печи.
А после мне призналась,
Что счастлива была,
Со многими встречалась,
И кое с кем спала.
Потом ей тяжело стало,
Она, порвав со мной,
От беготни устала
И вот пришла домой.
Конечно, я не верил,
Знал цену её слёз.
Я указал на двери
И выгнал на мороз.
Потом, привстав со стула,
Я разглядел во мгле,
Как шла она, сутулясь,
По снежной целине.
Как шла и спотыкалась,
И падала на лёд...
И так мне жалко стало,
Что я вернул её.
Для оправданья повод
Себе я подыскал,
Помыл, поесть дал вдоволь,
Подкрасил, причесал.
И всё пошло, как прежде,
В размен на пустяки –

Туманные надежды,
Туманные стихи.
А солнце шло по крышам
На мартовских ногах,
А солнце гривой рыжей
Повымело снега.
Беспечно, безнатурно
Творило чудеса...
А у моей подружки
Стали блестеть глаза.
Стала ходить за город,
Чтобы встречать восход.
Я понимал, что скоро.
Она опять уйдёт:
На лето мне оставив
Неясные мечты,
Весёлые забавы
И чистые листы.

Оберег

А под вечер случилась промашка,
О которой подумать не мог –
Из ладоней скользнула чашка
И разбилась, упав на порог...

Что ж, событие обыкновенное,
Над таким посмеяться готов,
Хоть была она из довоенных,
А, быть может, и царских годов.

Не изысканного фарфора,
Но хорошей отделки фаянс,
Роспись простенького узора,
По обводке от сколов изъян.

Много лет простояла на полке
И жила, не случилось бы так...
На бумагу собрал я осколки –
Утром выбросить в мусорный бак.

Ночью мебель кряхтела тяжко,
Хлопал дверцей кухонный стол,
А наутро осколки от чашки
Я на месте, в буфете нашёл.

Но не стал я ругать домового,
Хоть придурок он и нахал,
Что-то знал он о чашке такое,
Чего сам я о чашке не знал.

И позднее, при каждом случае,
Я ему благодарен был в том,
Что сберёг он благополучие,
Охранявшее старый дом.

Занавески

Тепло, светло! Плывёт июль,
Наполнен запахом и соком.
Метелью летней вьётся тюль
Из отворённых настёж окон.
А я под окнами торчу,
Смолю нещадно курево,
И в гости я попасть хочу
За занавески тюлевы.
Какое счастье, например,
Свою дорогу выстелить
От мрачной тяжести портьер
В такое легкомыслие.
Зайти в облитый солнцем дом,
К хозяевам приветливым,
Где разговоры за столом
Весёлые и летние.
Не осуждают всех подряд,
Выискивая гадости,
И не о деньгах говорят,
А говорят о радости.

Ожидание

В жизни есть для всего основание,
Только, искренне говоря,
Время, вбитое в ожидание –
Это время потрачено зря.

Исчезают минуты и даты
Надоедливы и не нужны,
В ожиданье свиданья, зарплаты,
В ожиданье тепла и весны.

Эх, соломку туда, где упасть бы!
Да упасть, не запачкав бельё!
Жизнь прошла в ожидании счастья,
Значит, не было просто её.

Спасатель

Она вошла и села с краю,
Глазами тускло повела.
Была не очень молодая,
Совсем несчастная была,
А губы, сжатые упрямо,
Не трогал яркий свет огней...
И я спасти надумал даму
И приземлился рядом с ней.
Я чепуху молот без сбоя,
Что вся она - сама краса,
И что загадочна собою,
Что глубоки её глаза.
От тёплых слов моих светлело
Её усталое лицо.
И я подумал: - Сделал дело!
Неплохо сделал. И ушёл.
Была та встреча между прочим,
И я забыл её, как сон.
Но как-то раз глубокой ночью
Забулькал в спальне телефон.
Супруга трубку прихватила,
Как простынь, сделалась бела.
А в трубке слышалось: -

Мой милый!

Я, наконец, тебя нашла.
От человеческой породы
Любое можно ожидать.
И я теперь живу в разводе...
Подумай прежде, чем спасать.

Золотая рыбка

Он с малых лет заядлым был:
В работе, драке, в спорах.
Он столько разных рыб ловил
На реках и в озёрах.

Любительское
творческое
объединение
«Литературный
салон»

Для обитателей реки
Имелись на примете
Крючки, наживки, поплавки,
Мордушки, бредни, сети.
Он об удаче не мечтал,
Удачи плыли сами.
На штуки рыбу не считал,
А измерял тазами.
А в массе плавников и глаз
Невидная такая
Наверняка была не раз
И рыбка золотая.
И он держал её в горсти,
Когда с надеждой слабой,
Она просила отпустить
И обещала благо.
А он с друзьями говорил,
Смеялся в откровении.
Он на костре уху варил
С ершами и тайменями.
И здесь, за болтовнёй пустой,
Должно быть, по ошибке,
Забросил в кипяток крутой
Он золотую рыбку.
Никто и не заметил зла –
Беда не наступила.
Уха наваристой была
И водка не горчила.

Перекрёстки

На встречу с нею он спешил,
Сюжет банально старый.
Он льдинки хрупкие крошил
В морщинах тротуара.

Он разминуться с ней не мог
В своём стремленьи встретиться,
Он перекрёстки пересёк:
Один, второй и третий.

А скоро завершился путь,
Окраина мелькнула.
Куда она могла свернуть,
И почему свернула?

Он был растерян, был он зол,
Давила грудь тревога.
Но уходила в горизонт
Пустынная дорога.

В репьях качались пустыри,
Выл беспокойный ветер...
А перекрёстков было три:
Один, второй и третий.

Если надо вам лодку белую,
Чтоб с осадкою на корму,
Приходите ко мне. Я сделаю,
Я недорого с вас возьму.

Никогда не стонал, что мало,
Не заглядывал в рот к другим,
Только чтоб до полочки хватало,
Да ещё, чтоб вернуть долги.

Без заботы о будущем дне я
Понимал, повзрослевши едва -
Если мало - одежда скромнее,
Если много - сытнее жратва.

Покупая бутылку с зарплаты,
Перед тем, как рубли сосчитать,
Говорил я: - Не жили богато,
И не стоит уже начинать.

Но хочу я отметить для справки,
Потерял я точёный топор.
Здесь и лодка нужна для затравки,
Чтоб начать о деньгах разговор.
Про житей-бытёй неумелое,
Про зарплату, суму и тюрьму...
Если лодка нужна вам, я сделаю,
Я недорого с вас возьму.

Кругом народ,
И я народ.
Стоим в одном ряду,
Но только все идут вперёд,
А я назад иду.
И им не по пути со мной —
За благами спешат.
А я иду за тишиной
На много лет назад.

Иду в зелёный ералаш
Под синь и тень тайги,
Где мой заброшенный шалаш
На берегу реки.
Плеснёт в лесную канитель
Слепой короткий дождь.
На многовековую ель
Взлетает чёрный дрозд.
Заря вечерняя замрёт,
Позолотит кусты,
А чёрный дрозд поёт, поёт
До самой темноты...

Уголек

Об угольке, мерцающем в золе,
Нередко вспоминали и писали,
И, как надежду на возврат, дотлеть
В припадке ностальгии не давали.
Я многое успел и не успел.

Всё от того,
какой измерить мерой?
Но мой костёр, сверкая, догорел,
И уголек покрылся пеплом серым.
Не верил я, что завершился путь,
Что чистую страницу не открою...
Всего-то! Наклониться и раздуть,
И подкормить огонь сухой травой.
И можно станет снова рассказать
О счастья наших
и несчастьях наших.

Я долго дул, и дым слезил глаза,
Из горла вырывался
хриплый кашель.
И всё же уголек погас без пищи,
Его холодный ветер
в пыль растёр...

Тогда достал я из кармана спички,
Чтоб новый, яркий
запалить костёр.

Я из ближайшей рощи приволок
Сухой травы и веток старой ели.
Я спичкою поскрёб о коробок.
Огонь не вспыхнул –
спички отсырели.